

НЕОЖИДАННОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОГО

СПЕКТАКЛЯ

МАЛОМУ театру очень рискованно ставить сейчас «Любовь Яровую». Спектакль 1926 года стал новой молодостью театра, событием не только театральным, но и общественной жизни страны. Аналогии, сопоставления будут напрашиваться сами собой... Однако нельзя забывать, что триумф «Любовь Яровый» 1926 года неповторим, как неповторима первая мхатовская «Чайка»...

Итак, 1960 год. «Любовь Яровая»...

После спектакля я не мог сразу привести в порядок свои впечатления. Нет, потрясения не было. Были добротная академичность, высокий профессионализм первоклассного коллектива. Игра Н. Анненкова (Кошкин), Е. Матвеева (Яровая), Т. Еремеевой (Панова), В. Шарлахова (Елисаветов) вполне достойна уважаемой сцены Малого театра. Резким диссонансом, очень повредившим спектаклю, прозвучала работа Е. Солодовой, играющей Любовь Яровую то на редкость монотонно, то вдруг с абсолютно неуместным мелодраматическим надрывом.

Все как будто бы ясно. И тем не менее что-то мешало полной определенности впечатлений. На память упорно приходили не совсем академические мизансцены, неожиданные актерские решения. Их немного, не они определяют спектакль. Но говорить хочется именно о них.

...Богатый особняк, где всего несколько часов назад был

ревком, а теперь разместились белогвардейский штаб. Под ликую бандитскую музыку маршируют по городу колонны белогвардейцев. Некоторое время сцена пуста, но вот бочком, неуверенно к дому подходит угодливый господин в черной паре. За ним — другой, третий, четвертый. Все настороженные, еще испуганные. Но чем громче, нахальнее разбойничья музыка, тем решительнее разгибаются

Т е а т р

спины робких, благопристойных обывателей. «Сolidнее становится походка, увереннее жесты. Секунду назад жалкие и приниженные, они спешат сделать вид, будто их распирает от чувства собственного достоинства...

А вот актерская неожиданность. Наверное, никто не был удивлен, узнав, что Швандю играет В. Доронин. Предвкусили встречу: вывалились на сцену аттаки живописный матрос с рыжим чубом устремляющих размеров, с кобурой до колен и начнет увеселять публику. Но встреча оказалась совсем не такой, поначалу она даже несколько разочаровала. Доронинский Швандя почти ничем не выделялся среди оружающих, и, казалось, актер безнадежно упускает богатейшие возможности одной из самых выигрышных ролей нашего репертуара.

Потом начинаешь понимать, что это — намеренное и очень жесткое актерское самоограничение. Понимаешь и то, как трудно это дается Доронину, обычно охотно и щедро использующему свои счастливые внешние данные. А цель? Цель, нам думается, достойна самых серьезных усилий.

Ведьколенная жанровая характеристика образа захватывала многих исполнителей этой роли безраздельно и целиком. Все эти «сморкнутые», «обратно, некогда», «упольные, сознательные», «слухать приказу» подавались с большим вкусом, с нескрываемым удовольствием. Но ведь Швандя, при всех своих смешных и забавных черточках, стойкий, мужественный и преданный боец революции. И вот эти-то самые в сущности главные свойства уходили на задний план. Балагур и весельчак заслонял все. Говорят, этим грешил даже первый исполни-

тель роли, прославленный Степан Кузнецов.

Доронин совершенно освобождает образ от всех наслоений, от груза сценческих традиций. Не отказываясь вовсе от жанровой сочности, но пользуясь ею скупой и с большим тактом, актер сосредоточивается на менее бросающемся в глаза, менее эффектном, но зато несравненно более трудном. И необычайно привлекательная, в чем-то подлинно трагически беззащитная натура героического матроса приобретает большую значительность, вырисовывается четче, убедительнее.

И. Ильинский — профессор Горькоствее... Если сначала увидеть эту актерскую работу, а потом почитать некоторые, в особенности ранние критические статьи о «Любовь Яровой», где Горькоствее характеризуется не иначе, как «обломом» прежней интеллигенции», то последнее суждение покажется не теплым и абсурдным. Ну какой же это «обломок»!

В Горькоствее — Ильинский много подлинного душевного здоровья. Этот старый профессор весело, озорно и молодо смотрит на мир. Стоит вспомнить хотя бы, с какой не доступной ограниченому собеседнику иронией, с каким скрытым, но от этого не менее убийственным презрением разговаривает он с полковником Малиновым и с каким жадным, нескрываемым интересом — с комиссаром Кошкиным.

Горькоствее часто играли сомневающимися, потерявшими почву под ногами и по этому поводу мрачно иронизирующим. Мы знали профессора, которому еще мучительно долго искать свой путь к правде. Ильинский открыл нам Горькоствее, который этот путь уже нашел...

Повторяем, не эти неожиданные определяли спектакль. Традиционного в нем больше. Впрочем, показать зрителям добротное академическое издание советской театральной классики — это совсем не мало и удастся далеко не всегда.

И тем не менее очень привлекательно, когда в таком спектакле вдруг блеснет что-то дерзкое, новое или даже просто озорное, вроде спекулянтки Дуньки, непроизвольно печатающей шаг под звуки популярной в свое время мелодии «По улице ходила большая крокодила». Может быть, это как-то нарушает строгость спектакля. Но, честное слово, зритель не в обиде.

Н. ЩЕРБАКОВ.

„Московский
комсомолец“
29 декабрь
1960г.